

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

«Ленинизм и теоретические проблемы языкознания». — М., изд-во «Наука», 1970. 383 стр.

Надо всячески приветствовать появление этого важного и интересного издания. В год ленинского юбилея, который отмечался почти во всех странах мира, советские лингвисты выпустили нужную и содержательную книгу. В ней они попытались осветить многие теоретические проблемы языкознания, основываясь на философских и исторических идеях В. И. Ленина, на сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса. Появление этого сборника тем более актуально, что в современном языкознании идет острая борьба по основным философским вопросам науки о языке. Природа языка, его важнейшие функции, отношение системы языка к его развитию, материальное и идеальное в языке, «отражательные» и знаковые категории языка, отношение языка к объективной действительности, язык и мышление в их постоянном взаимодействии — вот лишь некоторые из вопросов, в истолковании которых нередко зашипаются противоположные точки зрения. И хотя статьи рецензируемого сборника неравноценны по содержанию и между его авторами нет достаточного единства в освещении некоторых теоретических вопросов, книга все же представляет бесспорный интерес уже самой постановкой и широким обсуждением всех этих вопросов.

В статье Ф. П. Филина «О некоторых философских вопросах языкознания» убедительно показана связь казалось бы специальных проблем лингвистики с общеподлинными позициями того или иного ученого. В самом понимании отношения языка к действительности, в истолковании языковой субстанции, функций языка в обществе, обнаруживаются взгляды лингвиста и на такие общие категории, как материя, движение, общество. Автор правильно подчеркивает необходимость разных методов изучения языка (язык — исключительно сложное и многоаспектное явление), но вместе с тем своевременно напоминает, что всякий метод лингвистического иссле-

дования должен углублять наши представления о самом языке и не приводить к искажению его природы. В современной лингвистике специализация заходит так далеко, что языковеды, работающие в различных областях даже на материалах одного и того же языка, перестают понимать друг друга. Это вполне естественный процесс (стр. 7). Я бы уточнил: процесс этот можно понять, но невозможно всегда одобрить — лингвистика перестает быть единой наукой. Между тем во взаимоотношениях разных наук нашего времени наблюдаются не только процессы дифференциации, но и процессы интеграции. Тем более эти последние должны обнаруживать себя и в рамках некогда единой области знаний.

В статье В. А. Аврорина «Ленинские принципы языковой политики» освещаются основы глубокого ленинского понимания свободного развития всех национальных языков народов СССР, всех языков мира. Статья В. Н. Ярцевой «Количественные и качественные изменения в языке» сильна, на мой взгляд, прежде всего тем, что важное теоретическое положение о постоянном взаимодействии количественных и качественных отношений в языке иллюстрируется интересным конкретным материалом. Автор убедительно показывает: частота употребления тех или иных форм и конструкций еще не приводит к развитию нового качества. Проблема представляется гораздо сложнее. Емкость той или иной языковой модели зависит не только от ее строения, как часто утверждают, но и от свойств самих элементов, составляющих данную модель. Так возникает важная концепция «материального наполнения» модели, все еще мало изученная в лингвистике.

Большая проблема поставлена и в статье В. М. Солнцева «Знаковость языка и марксистско-ленинская теория познания». Автор безусловно прав, утверждая, что современные острые споры о зна-

ковости языка только тогда получают правильное направление, когда категория значения, одна из центральных категорий языка, будет исследоваться в свете ленинской теории отражения. В. М. Солнцев различает односторонние и двусторонние лингвистические единицы. В слове — двусторонней единице языка — его значение выступает как категория отражения, его же звучание — как разновидность знака. Поэтому и язык, постоянно взаимодействуя с действительностью, оказывается сложным «системно-структурным образованием». Можно было бы целиком согласиться с автором, если бы при этом он показал, что «знаковость языка» — это знаковость совсем особого рода, глубоко и принципиально отличающаяся от знаковости, например, световых уличных сигналов, с системой которых язык часто и неправомерно сближают. «Словесный знак» относится к действительности всегда через категорию значения, которой вовсе лишен световой! сигнал: он сам себе «хозяйин», ибо в нем знак и значение совпадают, не различаются.

К работе В. М. Солнцева примыкает и статья Т. П. Ломтева «Принцип отражения и его значение для теоретической грамматики». Автор показывает, к каким неправомерным выводам приходят те исследователи, которые считают, что знаки и есть знания и поэтому не различают знаков и значений. При подобном отождествлении знаков и значений искажается проблема идеального как результат отражения материального. Знаниям, мыслям и чувствам людей приписывается атрибут материального. Такая исходная предпосылка, безусловно ошибочная в философском плане, неизбежно приводит к искажению и языка, который лишается всех свойств отражения. Этим важным свойством языка посвящается статья В. И. Абаева «Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка». На примерах лексик разных языков автор демонстрирует неуклонную и сложную работу сознания, обнаруживаемую в самой семантике слов, в их группировках и взаимодействиях в разные эпохи. Об этом же рассказано и в статье Б. А. Серебrenникова «Развитие человеческого мышления и структуры языка».

Несколько иная группа вопросов анализируется в статьях Ю. С. Степанова «Принцип детерминизма» в современном языкознании» и П. В. Чеснокова «Соотношение чувственного и рационального (абстрактного) познания» при исследовании языка». Ю. С. Степанов обращает внимание прежде всего на философские проблемы детерминизма, на то, как понимают детерминизм философы-материалисты. Автор пишет о детерминизме в онтологическом и гносеологическом аспектах. Широко и интересно истолкован сам детерминизм «...как необходимые (в от-

личие от случайных), в частности, причинно-следственные связи, свойственные материальной действительности (а не только мышлению и познанию) и являющиеся одной из форм всеобщих связей вещей» (стр. 110). К сожалению, более бегло показано значение принципа детерминизма для самой лингвистики, для истолкования фактов и категорий различных языков. Применительно к науке о языке детерминизм рассмотрен главным образом в общегносеологическом, а не конкретно-лингвистическом плане. На мой же взгляд, важно и то и другое. Сходным образом построена и статья П. В. Чеснокова. Она содержит ряд верных обобщений, но собственно языковой материал в ней почти совсем отсутствует. Это заметно ослабляет силу ее лингвистической убедительности.

Не менее значительным вопросам посвящены исследования А. В. Десницкой «Об историческом содержании понятия „диалект“» и Л. Р. Зиндера «Материальная сторона языка и фонема». А. В. Десницкая, разумеется, права, подчеркивая заслуги советских ученых в разработке самого понятия «диалект» применительно к разным историческим эпохам и разным языкам. Вместе с тем автор вносит ряд важных уточнений в содержание самого понятия «диалект» применительно к неодинаковым общественным формациям. Дело в том, что представление о диалектной замкнутости в период феодализма иногда осложняется принципом взаимодействия диалектов или отдельных особенностей диалектов уже в ту же феодальную эпоху. В результате лингвистическая карта некоторых стран определяется не только границами диалектов, но и несколькими иными границами распространения отдельных диалектных черт и явлений. Что же касается статьи Л. В. Зиндера, то в ней убедительно критикуются попытки некоторых ученых исключить из языка и его определения понятия звуковой материи. Автор хорошо показывает, к каким печальным последствиям приводят подобные попытки.

Проблемы системы языка и роли моделей в лингвистическом анализе рассмотрены в исследованиях М. М. Гухман «О роли моделирования и общих понятиях в лингвистическом анализе», А. С. Мельничука «Понятие системы и структуры языка» (в свете диалектического материализма) и В. М. Павлова «О противоречиях в языке (составная лексическая единица в ее отношении к синтаксической конструкции)». М. М. Гухман интересно и обстоятельно анализирует роль моделей в процессе изучения системы языка. Она подчеркивает, что модели отнюдь не сводятся лишь к математическим схемам. Вслед за В. А. Штоффом, автором книги «Роль моделей в познании» (Л., 1963), в статье раскрываются функции моделей, вырастающих из осмысле-

ния материала самих языков, в результате обобщения тех или иных фактов, явлений, категорий. Представление о моделях, как о математических схемах, обычно характерно для тех наук, в которых математические методы изучения воспринимаются как новинка. Быть может следовало бы решительнее подчеркнуть, что сами по себе модели не могут быть ни исследовательскими, ни неисследовательскими, как считают у нас и за рубежом некоторые филологи. Все дело в том, как устанавливаются те или иные модели и как они интерпретируются автором. В случае правильного обоснования модели и разумного ее осмысления, модель может стать исследовательской.

В уже названной статье А. С. Мельничука дается критический обзор разных истолкований терминов «система» и «структура». Менее законченным представляется мне этюд В. М. Павлова, в котором рассматриваются противоречия в системе языка. Проблема противоречий в системе языка — одна из важнейших проблем теоретического языкознания. Статья В. М. Павлова написана, однако, так, что о ней трудно вынести определенное суждение. Способному и образованному лингвисту следует решительно отказать от геллертского стиля изложения, против которого всегда так убедительно выступал В. И. Ленин. Приходится, к сожалению, признать, что сейчас многие филологи усвоили странную манеру: писать сложно даже о простых явлениях и о простых фактах. Разумеется, гораздо труднее научиться писать просто и ясно о самых не легких проблемах и самых «проклятых» вопросах. К. Маркс как-то заметил, что даже у Гегеля «дело логики» иногда затмевает «логику дела». Каждому ученому следует думать прежде всего о «логике дела». Тогда и «дело логики» станет ясным и понятным.

В статье А. М. Мухина «К проблеме содержания и формы в лингвистике» освещается один из актуальных вопросов теоретического языкознания. Автор высказывает ряд интересных мыслей и предлагает различать три дисциплины в самой лингвистике: лингвистический анализ (как особую дисциплину), лингвистическую географию и лингвистическую стилистику. Не споря здесь с А. М. Мухиным по вопросу о том, почему именно эти аспекты лингвистики выделяются в самостоятельные области знания (огметим лишь, что «лингвистический анализ» — родовое понятие, две последующие области — видовые понятия), обратим внимание на убеждение автора, будто бы проблема содержания и формы в перечисленных трех областях науки должна решаться совершенно различно («на совершенно различных основаниях», стр. 201). Опираясь на принцип выделе-

ния «трех лингвистических наук», А. М. Мухин делает далеко идущие выводы. Автор утверждает, что лишь лингвистический анализ предполагает системные отношения в языке, тогда как стилистика, обращаясь к внеязыковой действительности, будто бы может преобрести подобными отношениями (стр. 205). Едва ли возможно согласиться с таким заключением исследователя.

Еще важнее другое: как бы ни были различны взаимоотношения содержания и формы в различных областях науки о языке — а именно это различие в сущности акцентирует А. М. Мухин — сама проблема содержания и формы имеет и не может не иметь общелингвистического значения. Именно как общелингвистическая проблема она получает важнейшее методологическое значение в советской науке, хотя в разных сферах языка проблема взаимодействия содержания и формы действительно должна конкретизироваться.

В сборнике опубликованы две статьи на сходную тему: А. Ф. Лосева «О пределах применения математических методов в языкознании (о сравнительной характеристике языкового и математического знака)» и Т. И. Демпревой «О роли математических методов в языкознании». Эти статьи несколько, однако, не повторяют друг друга, они изложены в совершенно различной манере. Если в работе Т. И. Демпревой убедительно показано, в каких случаях математические методы (кстати, их насчитывается около тридцати) могут применяться в лингвистике и в каких — не могут, то в этюде А. Ф. Лосева, сильно и вместе с тем просто написанном, исследуются качества и отличия языкового знака от знаков, которые применяются в математике. На мой взгляд, мимо статьи А. Ф. Лосева теперь не сможет пройти ни один лингвист, интересующийся возможностями разных методов в науке о языке.

Читатели сборника смогут ознакомиться и со статьями О. С. Ахмановой «Ленинская теория познания и лингвистическая абстракция», А. А. Уфимцевой «Теоретические проблемы слова (категория общего и отдельного)» и В. А. Звегинцева «Язык и общественный опыт (к методологии генеративной лингвистики)». Несколько выпадает из состава всего сборника исследование В. А. Звегинцева, которое представляет собой развернутый комментарий к двум книгам американских лингвистов, опубликованным за последние годы. Речь идет здесь о работах Н. Хомского «Язык и мышление» (N. Chomsky, Language and mind, New York, 1968) и его ученика Дж. Катца «Философия языка» (G. Katz, The philosophy of language, New York — London, 1967).

Разумеется, можно по-разному оценивать обе эти книги (в статье В. А. Звегинцева дается высокая их оценка), однако, едва ли правомерно проходить мимо той резкой критики Н. Хомского, голоса которой раздаются сейчас в разных странах мира. На мой взгляд, интерес к философии Декарта у Н. Хомского не случаен. Дело в том, что именно Декарт в некоторых своих размышлениях и размышлениях делал попытки приравнять живые существа к машинам. Гипотеза о «людях-машинах» широко обсуждалась в XVII в.¹ Нельзя, однако, не учитывать, что обращение к Декарту в работах Н. Хомского до сих пор не опиралось на хоть сколько-нибудь серьезное знание сочинений Декарта и его современников, как это убедительно показал в самом последнее время один из критиков Н. Хомского². Необходимо объяснить и едва ли не центральное противоречие в новейших публикациях Н. Хомского. Как отмечает сам В. А. Звегинцев, лингвистика расширяется у Хомского, с одной стороны, до пределов «науки о мышлении» вообще (стр. 305), а с другой — именно в генеративной лингвистике семантика — самое слабое ее место» (стр. 300).

В заключение позволю себе сделать несколько общих замечаний. Почти во всех статьях сборника говорится о том, что в лингвистике наших дней наблюдается все большее и большее сближение между традиционными и новыми методами исследования языка. Остается, однако, не вполне ясным, как следует понимать в таких случаях прилагательное «традиционный». Вопрос этот не сводится к простой терминологической неточности. Он гораздо серьезнее. Тем более, что в книге постоянно упоминается и «традиционное языкознание». Между тем «традиционное языкознание» и «традиционные методы» не стоят на месте, они успешно развиваются, хотя многие бывшие их адепты еще не так давно проносили по их же адресу не всегда лестные эпитеты. Но если «традиционное языкознание» и «традиционные методы» быстро и успешно прогрессируют, то о каких «традиционных» понятиях может идти в этом случае речь? Современный сравнительно-исторический метод, на-

пример, уже далеко ушел вперед по сравнению с методом А. Поттебни или Ф. Фортунатова, К. Бругманна или А. Мейе, хотя для своего времени метод этих ученых сыграл выдающуюся роль в развитии всей нашей науки.

Еще совсем недавно советская лингвистика переживала то, что может быть названо увлечением «нахождения сходного». Язык сближали с любыми «техническими системами», с любыми «техническими устройствами», с любыми «языками животных» и т. д. Не отрицая известного значения «нахождения сходного», хотелось бы выделить более значительную проблему: исследование специфики языка как важнейшего средства общения людей, как средства выражения нашего мышления. Со времен Соссюра стало уже банальным утверждение о системном характере языка. Между тем Соссюр был не совсем прав, настаивая на тезисе — в языке «все связано» (tout se tient). В языке имеются не только система, но и многочисленные подсистемы и даже контрсистемы, изучать которые столь же необходимо, как и систему в целом. Не каждое изменение в языке фатально отражается на всей его системе. Возможны изменения локальные, не влияющие на систему в целом, и изменения более общие, вызывающие перестройку всей системы. Эти, как и многие другие проблемы, еще нуждаются в дальнейших исследованиях.

В наше время стало особенно очевидным, что не всякая абстрактная концепция языка теоретична уже в силу своей абстрактности. Подобное отождествление, разумеется, неверно, подобно тому, как неверно и представление о мнимом тождестве между конкретной концепцией и концепцией эмпирической. Все дело в том, на какой теоретической основе вырастает та или иная лингвистическая концепция, какой материал она обобщает, какие цели преследует и какое практическое значение имеет.

Как бы ни были существенны расхождения во взглядах между отдельными советскими лингвистами, рецензируемый сборник, в частности, показывает, что советских лингвистов объединяет марксистско-ленинское понимание языка как важнейшего средства человеческого общения, как «реального действительного сознания». Поэтому появление данного сборника следует признать весьма своевременным.

¹ См. об этом, в частности: А. Н. Болоубов, *Механика и машины*, сб. «У истоков классической науки», М., 1968, стр. 159—162.

² H. Aarsleff, *The history of linguistics and professor Chomsky*, «Language», 1970, 3.